

со стороны СЕПГ. Для достижения этой цели велась активная вербовка «прогрессивных» элементов внутри партий» [Цит. по: 5, с. 61].

С конца 1948 г. большая оппозиционность наблюдается со стороны ЛДПГ. Поскольку у либеральных демократов еще оставались силы противиться переходу к плановому хозяйству в СЗО. Главный оппозиционер Восточной Германии ХДС с 1945 по 1949 гг. находился под постоянным давлением не только со стороны СВАГ или СЕПГ, но и своих западногерманских однопартийцев [2]. Союзу приходилось выживать в сложных политических условиях. Был выбор противостоять или унифицироваться [8]. Но в условиях советского влияния первое было сделать невозможно.

Таким образом, с разрешением деятельности партий и их вхождением в антифашистский Блок появляется некая двойственность. Исходя из документов СВАГ, видно, что сами партии ХДС и ЛДП являются оппозиционными. Об этом свидетельствуют другие взгляды на проведение внутренней политики в СЗО, постоянное вмешательство советской администрации в дела партий. Например, громкие процессы снятия председателей Гермеса и Кайзера в ХДС, последствия смерти Кюльца – в ЛДП. То есть с ними СВАГ боролся как с оппозицией, не желая терпеть инакомыслие в оккупационной зоне.

Но, с другой стороны, дабы продемонстрировать демократичность, в СЗО был создан Блок партий, предполагавший общность работы и равную ответственность за будущее Восточной Германии. Ясно, что наличие Блока – явная искусственная форма взаимоотношений политических сил. Все партии объединял лишь их антифашизм, чего, разумеется, было далеко не достаточно. В этом одна из форм борьбы с оппозицией. По нашему мнению, открытая форма оппозиции в СЗО закончилась с назначением

Нушке в ХДС и Лейтенанта в ЛДП. В итоге стоит согласиться со словами Ватлина, что многопартийность Восточной Германии / ГДР – это лишь подобие затянувшегося народно-демократического эксперимента. Буржуазия в ГДР исчезла, а буржуазные партии остались, полностью унифицируясь с партией власти.

Источники и литература

1. Ватлин, А.Ю. Германия в XX веке / А.Ю. Ватлин. – М., 2002.
2. Петелин, Б.В. Восточногерманский ХДС между Аденауэром и СВАГ / Б.В. Петелин // 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19 – 20 июня 2008 г., Москва / под ред. Б. Бонвеча, А.Ю. Ватлина, Л.П. Шмидта. – М., 2009. – С. 108 – 118.
3. Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945 – 1949 гг. Сб. документов. / под ред. Геннадия Бордюгова, Бернда Бонвеча и Нормана Неймарка. – М., СПб., 2006.
4. СССР и германский вопрос. 1941 – 1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: в 3 т. – Т. III: 6 октября 1946 г. – 15 июня 1948 г. / сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. – М., 2003.
5. СССР и германский вопрос. 1941 – 1949: Документы из российских архивов: в 4 т. Т. IV. 18 июня 1948 г. – 5 ноября 1949 г. / Сост. Й. Лауфер и А.М. Филитов. – М., 2012.
6. Baus, R.T. Die Christlich-Demokratische Union Deutschlands in der SBZ 1945 bis 1948: Gründung, Programm, Politik / Ralf Tomas Baus. – Düsseldorf, 2001.
7. Neubert, E. Geschichte der Opposition in der DDR 1949 – 1989 / Ehrhart Neubert. – Bonn, 1998.
8. Richter, M. Die Ost-CDU 1948 – 1952. Zwischen Widerstand und Gleichschaltung / Michael Richter. – Düsseldorf, 1991.

УДК 94(470 1/6) «19»

Р.С. Колокольчикова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДА В ТРУДАХ И.М. ГРЕВСА, Н.П. АНЦИФЕРОВА, Н.К. ПИКСАНОВА

В статье анализируются теоретико-методологические подходы изучения города, содержащиеся в трудах русских ученых – историков и краеведов И.М. Гревса, Н.П. Анциферова и искусствоведа Н.К. Пиксанова. Автор выясняет, что выработанный этими учеными целостный взгляд на город, предложенные и апробированные новаторские идеи и подходы в изучении города стали основанием для зарождения отечественной урбанистики

Урбанизация, город, образ города, теория, методология, комплексный подход.

The article analyses the theoretical and methodological approaches of the city study in the writings of Russian scientists-historians and regional specialists I.M. Grevs, N.P. Antsiferov and an art critic N.K. Piksarov. The author explores that these scientists produced an integrity view on the city, proposed and tested innovative ideas and approaches in the study of the city. All that became the basis for the origin of domestic urbanity

Urbanization, city, image of the city, theory, methodology, integrated approach.

1920-е гг. отмечены особым исследовательским интересом в Советской России к феномену города.

Н.П. Анциферов писал: «Все возрастающий интерес к городу – характерная черта современности. Город

становится своего рода героем нашего времени. Быстро растет количество книг, посвященных вопросам изучения города» [3, с. 5]. Этот интерес, с одной стороны, определялся практическими задачами, частично унаследованными советской властью от царской России и связанными с высокими темпами урбанизации в России в начале XX в., резким ростом численности населения в крупных городах. С другой стороны, исследовательский интерес к городу определялся задачами наиболее полной реализации идеи социалистического общежития, когда города стали рассматриваться как своего рода передовые рубежи в расширении коммунистических норм жизни, оплот proletарских и революционных тенденций [7], [11].

1920-е гг. – это время, когда были написаны труды историков и краеведов М.Н. Гревса и Н.П. Анциферова, искусствоведа Н.К. Пиксанова [8], [9], [13], [4], [1], [2], [5], [6], [3], [12]. Работы этих авторов, содержащие идеи и конкретные научные разработки по изучению города, представляют важное теоретико-методологическое значение для становления отечественной исторической урбанистики.

М.Г. Диканский так характеризовал утвердившуюся в науке в 1920-е гг. парадигму в изучении города: «Современная наука о городе рассматривает улицы, площади, рынки, способы сообщения и т.д., как части городского организма» [10, с. 13].

Считая города «лабораториями и приемниками, хранителями культуры, и высшими показателями цивилизованности», в которых «происходит сгущение культурных процессов, насыщение их результатов», И.М. Гревс, формулируя философски-методологические основы подходов при изучении города, писал: «Надобно изучать его биографию, познать его именно как своеобразную коллективную личность, – и эта биография даст превосходно конкретизированную часть биографии данной страны и народа <...> Прежде всего, взгляд историка рассматривает город на земле в рамке окружающей природы, как физической среды, в которой развивается его многообразная жизнь. Здесь имеется в виду страноведение местности данного города в широком смысле: ее геология, рельеф и орошение, климат и почва, флора и фауна, естественные богатства и, наконец, мир человека, антропология и особенно этнография населения» [8, с. 1, 3 – 4]. Таким образом, И.М. Гревс предложил комплексное изучение города, которое возможно в русле идей о локальном изучении исторического процесса, познании общего через индивидуальное, применяя язык художественных образов, используя методы исторической антропологии. Ценное методологическое значение представляют наблюдения И.М. Гревса, который обращал внимание на некоторые негативные тенденции в развитии урбанизированного населения: «... внутри ее (городской жизни – *Р.К.*) слагается и пребывает много тяжелых явлений, социальных и духовных <...> города обнаруживают и вредное культурное воздействие – они портят сельчан, а деревня может, наоборот, горожанина оздоровить» [8, с. 2].

Уделяя большое внимание изучению внешнего облика российских городов, их материальным памятникам, И.М. Гревс в предисловии к книге своего ученика Н. Анциферова «Душа Петербурга» писал: «Надо уметь подойти к сложному предмету познания, в частности, понять город, не только описать его, как красивую плотность, но и почувствовать, как глубокую, живую душу, уразуметь город, как мы узнаем из наблюдения и сопереживания душу великого или дорогого нам человека» [4, с. 10].

Н.П. Анциферов в своих трудах не только развивал идеи И.М. Гревса, излагал основы своего подхода к изучению города, но и давал конкретные научные апробации предлагаемых подходов и идей, когда писал о многих городах, но, прежде всего, о Петербурге. Он подчеркнул важность выяснения при изучении города «к какому типу относится изучаемый город»: возник ли он стихийно, «развиваясь свободно, подобно лесу», или же появление города вызвано «общегосударственными потребностями» [4, с. 24]. Таким образом, ученый впервые обратил внимание исследователей города на определение его типологии. Н.П. Анциферов одним из первых предложил рассматривать город как сложный социальный организм и выделял «по аналогии с живым существом ... три элемента из его единства, которые определяют три подхода к его изучению: анатомию, физиологию и психологию («душу») городского организма» [2, с. 17]. Подразумевая под анатомией структуру городского пространства, под физиологией – функции города, социальный состав его населения, под психологией – пейзаж города, его историческую судьбу, характер населения и «выражение художественных вкусов» [2, с. 17 – 25], [6].

Под исторически сложившимся единством всех элементов городского организма, как конкретной индивидуальности, Н.П. Анциферов понимал душу города или его образ [2, с. 21 – 23]. Важно наблюдение ученого о том, что образ города далек от жизненной правды, связан с мифологизированным сознанием [4, с. 49]. Прошлое города просвечивает через его настоящее и должно быть учтено при изучении его образа. Важное методологическое значение имеет замечание Н.П. Анциферова о том, что через познание исторического прошлого города мы лучше начинаем различать перспективы грядущего и вернее находить путь к нему [2, с. 22 – 23]. Этот исследователь предлагал изучать город во взаимосвязи социального и культурного развития, рассматривать город в целом, во взаимосвязи с окружающим ландшафтом, а также изучать составные части города в их взаимодействии. Таким образом, Н.П. Анциферовым был предложен социокультурный подход в изучении города, город анализировался как некая единая триада: «пространство – социум – культура».

Ученый, отмечая что «новый социальный порядок создает новый город» [3, с. 26], интерпретировал город как сложный социальный организм, являющийся отображением социальной структуры общества своего времени, которая лучше всего может быть изучена при помощи познания города, так как город

«создан ею и поддерживает ее». Он писал: «Гражданин, познай свой город – и ты познаешь и свою социальную среду, и самого себя» [2, с. 9]. В этом суждении просматривается понимание того, что город может быть познан только «изнутри», т.е. субъектом, живущим в этом городе, при этом познание города отчасти становится самопознанием. Таким образом, Н.П. Анциферов полагал возможным изучение города на философской базе экзистенциального подхода.

Важна культурологическая составляющая его подхода в изучении города. Он обращал внимание на важность проникновения в образ города через городской ландшафт: «В ландшафте города мыслящий взор найдет материальное выражение всей сложности культуры данного времени <...> Без этого восстанавливаемые исследованиями ученых образы сменяющихся культур станут для нас навсегда бледными теньями» [5, с. 3]. В то же время «прочтение» городского ландшафта – способ «прочтения» истории страны, «духа человеческого»: «Городской ландшафт – красноречивые страницы, на которых всякий, постигший его грамоту, сможет прочесть и о хозяйственной жизни страны, и о социальных конфликтах, и о технических достижениях, а вместе с тем и о соединенных со всем этим потребностях духа человеческого. Все это язык форм города» [2, с. 9].

Актуален этический подход ученого к городу, когда Н.П. Анциферов говорит о «суете-суе» городского существования, о «быстром темпе» городской жизни, который становится все «быстрее и быстрее», когда отсутствует время для «созерцания» и «некогда жить!» [2, с. 10]. Современны звучат замечания ученого в отношении городского ландшафта с точки зрения его эстетической оценки: «Что ценят в городском пейзаже? Лишь то, что роднит его с природой: обилие воды, разнообразие зелени, широкие горизонты, холмистую поверхность. Это – то, что дает городу право называться «живописным». Из зданий любят те, в которых сохранилась красочность, легкость, движение высь. В типичном городском пейзаже наших дней отмечается с осуждением, прежде всего тяжесть и бесцветность форм, сдавливают масс... Особые технические условия отодвигают на задний план архитекторов. Их создания остаются безмянными. Наступает эпоха подлинного коллективного творчества в архитектуре» [2, с. 11, 14].

Идеи И.М. Гревса и Н.П. Анциферова о комплексном изучении города разделял, развивал и применял их современник, поддерживаемый этими учеными, известный литературовед и искусствовед Н.К. Пиксанов [12]. Изучая «культурные гнезда» – города допетровской Руси, отдельно – северорусские города, украинские, а также Казань, Воронеж, Одессу и некоторые другие российские города, Н.К. Пиксанов давал рекомендации молодым «краеведным искусствоведам», что «изучение культурного гнезда есть изучение комплексное» [12, с. 71], «существенно связать социологию культурной жизни с ее экономической» [12, с. 69]; «надо вскрыть эти связи между

культурным укладом, социальным составом и экономическим бытом города и края» [12, с. 69]; «современный краевой культуровед не может ограничиться описанием местного культурного гнезда: он должен дать историческое объяснение, установить генезис, раскрыть факторы явления. Здесь на очередь выступает социологический анализ. Для понимания культурного гнезда существенно определить социальный состав его деятелей» [12, с. 67].

Итак, русские ученые И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, Н.К. Пиксанов выдвинули и апробировали ряд новаторских идей, связанных с изучением города, которые намного опередили свое время. Это – целостный взгляд на город, идеи о комплексном изучении города; идеи, соответствующие историко-антропологическим, социокультурным, историко-культурологическим исследованиям, методам локального изучения исторических процессов, которые стали основанием для становления отечественной урбанистики. Однако, установившийся в начале 1930-х гг. идеологический монополизм в Советской России привел к тому, что достижения урбанистики 1920-х гг. были отринуты. В научной литературе произошло резкое сокращение круга городской проблематики, а история городов стала рассматриваться только в связи со специальным изучением сюжетов форсированной индустриализации, затем – в связи с восстановлением экономики в послевоенный период.

Источники и литература

1. Анциферов, Н.П. Быль и миф Петербурга / Н.П. Анциферов. – П., 1924.
2. Анциферов, Н.П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода / Н.П. Анциферов. – Л., 1926.
3. Анциферов, Н.П. Как изучать свой город / Н.П. Анциферов. – М.; Л., 1929.
4. Анциферов, Н. Душа Петербурга / Н. Анциферов. – Paris, 1978.
5. Анциферовы, Н. и Т. Город, как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики / Н. и Т. Анциферовы. – Л., 1926.
6. Анциферовы, Н. и Т. Книга о городе. «Жизнь города» / Н. и Т. Анциферовы. – Л., 1927.
7. Гинзбург, М. Стиль и эпоха / М. Гинзбург. – М., 1924.
8. Гревс, И.М. Монументальный город и исторические экскурсии / И.М. Гревс // Экскурсионное дело. – 1921. – № 1.
9. Гревс, И.М. Краеведение. О современной германской школе. Материалы для реформы учения / И.М. Гревс. – Л., 1926.
10. Диканский, М.Г. Проблемы современных городов / М.Г. Диканский. – М., 1926.
11. Лопатин, П. Город настоящего и будущего / П. Лопатин. – М., 1925.
12. Пиксанов, Н.К. Областные культурные гнезда / Н.К. Пиксанов. – М., 1928.
13. По очагам культуры. Новые темы для экскурсий по городу. Методический сборник / под ред. проф. И.М. Гревса. – Л., 1926.